

В.И. Коровин

«Дума»

Стихотворение зрелого Лермонтова (1838), обнажающее общественно-духовный кризис последекабрьского поколения; оно замыкает предшествующие нравственные, социальные и философские искания поэта, подводит итог прошлому душевному опыту, отражая бесцельность личных и общественных усилий лермонтовского поколения, направленных на достижение положительных ценностей. После «Думы» и других близких по времени произведений («Не верь себе», «Как часто, пестрою толпою окружен...», «И скучно и грустно...», «Герой нашего времени»), в которых энергично декларированы идеи отрицания, в творчестве Лермонтова стали особенно заметны поиски выхода из идейного кризиса. Поэтому «Дума» генетически связана с предшествующими ей («Монолог», 1829; «Он был рожден для счастья, для надежд...», 1832; «Гляжу на будущность с боязнью...», 1837–1838) и последующими стихами, в которых наметилось пристальное вглядывание в действительность с намерением найти социальную и идеологическую опору, причем не столько в прошлом («Бородино», «Песня про ... купца Калашникова»), сколько в современности. Наиболее полно этот процесс выразился в «Родине», но прямое отношение к нему имеют «Не верь себе», «Памяти А.И. Одоевского», «Журналист, читатель и писатель», «Соседка», «Завещание» — в них знаменателен устойчивый интерес к противостоящей лирическому герою «толпе», к образу «простого человека», чье сознание ранее не принималось в расчет.

Настроениям «Думы» созвучны лирика декабристов, созданная после восстания, поэтов-любомудров, поэтов кружка Н. Станкевича, философская проза романтиков, дневники и письма А. Герцена, статьи В. Белинского, 1-е «Философическое письмо» П. Чаадаева. Сходные переживания обнаруживает европейская интеллигенция, неудовлетворенная результатами Июльской революции 1830 («Ямбы» О. Барбье).

Центральная идея «Думы» — осуждение общественной инертности и духовной апатии «поколения», неспособного «угадать» свое предназначение и найти положительные гражданские и нравственные цели, — определила структуру стихотворения. Кольцевая композиция подчеркивает беспросветное будущее поколения («Его грядущее иль пусто иль темно» — «И прах наш с строгостью судьбы и гражданина / Потомок оскорбит презрительным стихом...»). Мысль о бездействии поколения (единственное действие — торопливое приближение к смерти), многократно варьируясь, оказывается замкнутой. Этот глубокий элегизм поддержан падающим ритмом, создаваемым укороченными стихами и последовательным уменьшением ударений в стихе.

Личную трагедию Лермонтов осмыслил и как трагедию поколения. Уже в первой строке («Печально я гляжу на наше поколенье!») лирическое «Я», социальное раздумье которого составляет предмет стихотворения, становится частью «обличаемого» целого («наше»): «Все то, что присуще поколению, присуще и автору, и это делает его разоблачение особенно горьким» (Лотман). Однако энергия страстного отрицания противостоит полной поглощенности лирического «Я» инертным «целым». Непокорность, непримиренность «Я» прорывается в резко оценочных эпитетах, осуждающих «мы» и контрастирующих с его этическим безразличием («Перед опасностью — позорно-малодушны, / И перед властью — презренные рабы!»). Лирическое «Я» как бы находится в двух сферах: включенное в круг «поколенья», оно подчеркнутым «неравнодушием», духовной мукой выводится за его пределы, выступая одновременно и осуждающим и осуждаемым. «Обличение» исходит от лица «Я», глядящего на «поколенье» и с высоты личного сознания («я гляжу»), и изнутри («на наше»). Двойной угол зрения создает ряд конфликтных ситуаций как между «Я» и «поколеньем», так и внутри «Я»; порываясь подняться над

уровнем сознания «поколения», лирическое «Я» осознает тщетность личных усилий, обнаруживая в себе пороки и слабости «поколения», — в нем контрастно сочетаются порыв к борьбе и обреченность, чувство личной исключительности и переживание ее утраты. В финале стихотворения оба конфликта уступают место третьему — историческому конфликту: потомок презрительно отвергнет современное поколение; здесь высокое начало «Я» выступает от имени потомка. «Дума» становится «похоронной песней» «поколению» и себе как неотъемлемой его части.

Так в одном из самых субъективных стихотворений Лермонтова происходит объективация лирического «Я», в чем выразилась важная тенденция зрелого творчества поэта. Потерянность «поколения» в исторической жизни сопровождается ослаблением личного начала, неявным желанием индивидуальности раствориться в «поколении» («Толпой угрюмою и скоро позабытой / Над миром мы пройдем без шума и следа»; лирическое «Я» получает характеристики, прежде (до «Думы») относившиеся всецело к «толпе». Если раньше Лермонтов обвинял жизнь, которая постоянно обманывала его надежды, то здесь он словно сам не оправдал предназначения судьбы.

Снятие характерного для романтизма противопоставления «Я» и «толпы» означает переосмысление традиций. С одной стороны, в согласии с традициями гражданской лирики (ср. «Я ль буду в роковое время...», 1824, К. Рылеева) причина внутренней опустошенности «поколения» заключена в отказе от борьбы со злом, в сознательном исключении себя из исторического действия, с другой — очевидную трансформацию этих традиций знаменует снятие различий между сознанием «Я» и «поколения». Обличительные формулы, как и обращение к суду потомства, осуществляемому «с строгостью судьи и гражданина», восходят к гражданской лирике, но распространены и на самого поэта.

Поэтическая мысль «Думы» реализуется во внутреннем эстетическом движении от элегической интонации печального размышления к мрачному трагическому обобщению, от высокой романтической ноты к скорбной и горькой иронии. Рядом со словами, освященными традицией психологической и гражданской лирики, широко вводятся слова философского и этического содержания («познания», «сомнения», «добра», «зла»), а также прозаизмы («не шевелят», «остаток», «касались»). Чем дальше развенчивается поколение, тем прозаичнее стиль, не лишенный, однако, ораторско-инвективного одушевления, резких оценочно-экспрессивных эпитетов. Снижающие элементы в характеристике поколения сопровождаются все более крепнущими нотами осуждения, чувствами горечи и насмешки, иронии и сарказма. Бытовая окраска заключительных стрóf совпадает с наибольшей силой эмоционального осуждения.

Смена интонаций и сочетание в «Думе» различных стилистических пластов обусловили своеобразие жанровой формы, отличной как от «унылой» элегии, так и от высокой обличительной сатиры. Совмещение философско-элегической медитации с иронией и инвективой превращает стихотворение в «социальную элегию» — форму, специфическую для Лермонтова. Однако «социальная элегия» Лермонтова вбирает нравственные, исторические, философские, политические стороны жизни «поколения» в их психологическом преломлении. Равнодушие к добру и злу, осмеяние высоких страстей, неспособность к жертве, иссушение ума наукой, малодушие перед опасностью, «угрюмость» и историческая никчемность, бесславие — все духовные муки и пороки поколения восходят к скепсису, неверию, «бремену познания и сомнения». Тут Лермонтов, в отличие от многих современников, например Белинского этих лет, не усматривает в сомнении и отрицании ни положительной ценности, ни пути к истине. «Говорят, — писал Белинский, — что сомнение подрывает истину: ложная и безбожная мысль! ...Говорят: отрицание убивает верование. Нет, не убивает, а очищает его». Позиция Лермонтова в «Думе» иная: сомнение и отрицание бессильны и бесплодны, как и лучшие порывы души, застывшие и не приводящие к каким-либо позитивным результатам («зарытый скупостью и бесполезный клад»), что и становится духовной бедой поколения, погруженного в рефлексию. Поэтому

замкнутая в себе наука — ухищрения спекулятивного разума, и ее роль отрицательна. Именно в активной деятельности заключен выход из опустошающей рефлексии, преодоление конфликта в собственном сознании, хотя мысль эта выражена в «Думе» лишь косвенно, «от противного».

Современники были потрясены тоном стихотворения, писали о лирическом «вопле», стоне души, об обличении в нем «черной стороны нашего века» и не могли не признать суровой и беспощадной, хотя и мрачной правды, заключенной в нем (Белинский, В. Майков, Герцен).

Несмотря на голоса критиков, отметивших в «Думе» неосновательность субъективной оценки всего поколения, стихотворение вызвало громкий общественный резонанс, заставив «многих вздрогнуть». «Дума» создала особую жанровую традицию в русской лирике — социальной элегии, проникнутой глубоким трагизмом и одновременно обвинительными инвективами, в которой поэт осуждает свое поколение при отождествлении себя с ним (А. Плещеев, А. Майков, Н. Некрасов, С. Надсон, А. Блок).